

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования**

**«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

КАФЕДРА русского языка и МОРЯ

ТЕМА ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ

**Структура и семантика синтаксически цельных словосочетаний в ранних
рассказах М.Горького**

**Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.03.05 Педагогическое образование
Направленность программы бакалавриата
«Русский язык. Литература»**

Проверка на объём заимствований:

77,09% авторского текста

Выполнила:

Студентка группы ОФ-515/075-5-2
Балакина Марина Сергеевна

Работа рекомендована к защите

« 8 » июня 2018 г.

зав. кафедрой русского языка и МОРЯ
Глухих Н.В.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, доцент
Казачук Ирина Георгиевна

Челябинск

2018 год

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Аспекты изучения словосочетания в отечественной лингвистике.....	12
1.1. Аспекты анализа словосочетания.....	12
1.2. Типы словосочетаний по характеру синтаксических отношений.....	15
1.3. Виды подчинительной связи в словосочетаниях.....	16
1.4. Структурные типы словосочетаний.....	17
1.5. Свободные и несвободные словосочетания.....	18
1.6. Структура и семантика синтаксически цельных словосочетаний.....	20
Глава 2. Структурные и семантические типы СЦС в ранних рассказах М.Горького.....	33
2.1. Синтаксически цельные словосочетания с семантикой количества.....	33
2.2. Синтаксически цельные словосочетания с семантикой избирательности.....	37
2.3. Синтаксически цельные словосочетания с семантикой совместности.....	40
2.4. Синтаксически цельные словосочетания с семантикой характеристики человека.....	41
2.5. Синтаксически цельные словосочетания с метафорической семантикой.....	43
2.6. Синтаксически цельные словосочетания с указательно-определяющей семантикой.....	45
2.7. Синтаксически цельные словосочетания с семантикой неопределённости.....	49
2.8. Синтаксически цельные словосочетания с семантикой отрицания.....	51
2.9. Синтаксически цельные словосочетания с семантикой промежутка времени.....	52
2.10. Синтаксически цельные словосочетания с семантикой информативной избыточности.....	52
Заключение.....	55
Библиографический список.....	58
Приложение.....	64

Введение

Выпускная квалификационная работа «Семантика и структура синтаксически цельных словосочетаний в ранних рассказах М. Горького» написана в русле исследований, посвященных изучению индивидуально-авторского стиля писателей классической русской литературы, в рамках синтактико-стилистического анализа текста и отражает результаты анализа синтаксических средств, а именно синтаксически цельных словосочетаний, в ранних рассказах М. Горького. Наряду с лексическими, эти языковые средства служат средством выражения авторского самобытного стиля автора, раскрывают его индивидуальный художественный мир.

Мы используем термин *идиостиль* в трактовке М. Н. Кожиной как «совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи писателя, учёного, публициста, а также отдельных носителей данного языка», отмечая при этом важность экстралингвистических факторов – функционально-стилевых, жанрово-стилевых, индивидуально-стилевых –, влияющих на формирование авторских речетекстовых характеристик (в отличие от другого близкого, однако не тождественного понятия «идиолект», представляющий собой «совокупность собственно структурно-языковых особенностей (стабильных характеристик), имеющих место в речи отдельного носителя языка») (Кожина 2003: 95, 96). Индивидуальность писателя, его интеллектуальные свойства проявляются не только на структурно-языковом уровне, но на более сложных, а именно, если обратиться к уровневой модели языковой личности, предложенной Ю. Н. Карауловым, – на лингвокогнитивном (тезаурусном) и мотивационном уровнях (Караулов 2004).

В отечественной лингвостилистике существует немало работ, посвящённых изучению индивидуально-авторского стиля в различных аспектах как на материале художественных текстов (Ю. В. Саввина (2008), Л. С. Захидова (2009), А. Ф. Ашимова (2013)), так и в газетно-

публицистическом дискурсе (Т. А. Чернышева (2007), Е. М. Иванова, Р. Л. Смулаковская, Т. А. Чернышева (2010)).

В отечественной лингвостилистике и лингвопоэтике художественного текста с развитием антропоцентрической парадигмы интерес учёных обращён к изучению и описанию идиолекта – «языка автора художественного произведения (произведений)» (Купина, 2013:328). Индивидуально-авторская языковая картина писателя, поэта выступает в качестве ключевого объекта исследования. В стилистическом энциклопедическом словаре даётся следующая дефиниция идиолекта – это «совокупность собственно структурно-языковых особенностей, имеющих место в речи отдельного носителя языка» (Кожина, 2006:95). Иными словами, идиолект, являясь базовой чертой языковой личности, определяется как комплекс формальных лингвостилистических характеристик.

Стилистические ресурсы современного русского литературного языка присущи всем уровням языковой структуры (фонетическому, лексическому, фразеологическому, словообразовательному, морфологическому, синтаксическому) и «обнаруживаются в сложившихся общепринятых приёмах употребления языковых стилистических единиц» (Кожина, 2008:202). Правда, как справедливо замечает М. Н. Кожина, «синтаксис в отличие от лексики и фразеологии не обладает ни столь чёткой стилевой окраской своих единиц, ни строгой функциональной их прикрепленности к определённым речевым сферам», тем не менее не подвергается сомнению тот факт, что именно данный раздел грамматики «таит в себе огромные стилистические возможности, которые заключаются преимущественно в его способности передавать тончайшие оттенки мысли» (Кожина, 2008:260-261). Ещё профессор А. М. Пешковский в своей работе «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики» отмечал: «стилистические возможности в синтаксисе гораздо многообразнее и значительнее, чем в морфологии» (Пешковский, 1930:154). Схожего мнения придерживается и В. В. Виноградов, утверждающий, что «гораздо меньше

материала в смысле экспрессивно-стилистических различий предоставляют стилистике современного русского языка морфология и фонетика» (Виноградов, 1955:65). В. В. Виноградов приводит цитату из исследований А. М. Пешковского, согласно которой из явлений морфологии «...изучаться и сравниваться здесь должны не грамматические значения вообще, а лишь грамматические синонимы» (Пешковский, 1930:153). Таким образом, лексические, в большей степени, и синтаксические средства словесной образности являются богатейшими средствами стилистической выразительности речи.

Изучением стилистического потенциала языка занимается такое направление стилистики, как структурная стилистика или стилистика ресурсов, наиболее традиционная область стилистики, «объектом которой является состав стилистически окрашенных языковых средств, их выразительные возможности и семантико-функциональные оттенки, а также тропы» (Кожина, 2006:421). Стилистически маркированные индивидуально-авторские синтаксические фигуры, наряду с лексическими средствами (эпитетами, метафорой, синекдохой, метонимией, олицетворением, образным сравнением, гиперболой, анафорой, эпифорой и др.) организуют пространство текста в соответствии с интенцией писателя (поэта), детерминирует особый способ его креативного мышления.

Актуальность нашего исследования мы видим в том, что среди различных проблем синтаксиса, новых и старых, достаточно и недостаточно изученных, вопросы о членах предложения являются по-прежнему интересными и актуальными. Всегда найдутся темы, требующие повышенного внимания. К ним мы относим - трудные случаи квалификации и анализа членов предложения в методике преподавания синтаксиса русского языка в школе. Примеры, в которых члены предложения - как главные, так и второстепенные - выражены одним словом, усваиваются учащимися в основном без

трудностей.

Нередко встречаются предложения, где роль того или иного члена предложения выполняет не слово, а словосочетание. Речь в этих случаях идет о так называемых синтаксически цельных (неделимых, нечленимых, неразложимых) словосочетаниях.

Цель: исследовать структуру и семантику СЦС в ранних рассказах М.Горького

Задачи: 1) изучить теоретические работы по проблеме исследования
2) собрать картотеку употреблений СЦС в ранних рассказах Горького

3) изучить и описать синтаксические модели СЦС;

4) исследовать семантику СЦС, функционирующих в художественных текстах М.Горького

5) определить специфику идиостиля М.Горького на уровне использования анализируемых синтаксических единиц.

Объект исследования: синтаксически цельные словосочетания

Предмет исследования: структура и семантика синтаксически цельных словосочетаний в ранних рассказах М.Горького.

Материал исследования: оригинальная авторская картотека, состоящая из 2195 употреблений СЦС, выбранных из ранних рассказов М.Горького.

Характеризуя особенности горьковского стиля, один из первых его исследователей — С. Д. Балухатый справедливо писал: «Горький пришел к смелому соединению в своем творчестве форм реалистических и романтических, понимая их не как взаимно исключаящие литературные стили, но как только внешне различные образные системы выражения в конечном счете одних и тех же внутренних стимулов художника».

С первых своих рассказов молодой Горький не только содержанием, но в особенности свежестью своего слова открывал совершенно новую страницу

в истории русской литературы. Он читал и любил своего прямого предшественника — Чехова, как великого писателя и старшего друга. Любил его проникновенное искусство, учился у него. Но учился по-своему. Его сосредоточенной и монохромной гамме он противопоставил свое обилие света, зычное многообразие красок. Его тихому голосу — совсем иной голос, смелый и громкий. Его персонажам, растерянным и бессильным в борьбе за жизнь,— людей, отважно ищущих, способных постоять за себя и за свою идею.

Чехов завершал эпоху критического реализма, достигая в своем критицизме особенной остроты. М Горький открывал новую эпоху, утверждавшую новые ценности в литературе,— эпоху социалистического реализма.

Капризному, претенциозному слову многих своих современников М. Горький решительно противопоставил свое стойкое, огнеупорное слово. С юных лет — неистовый читатель, для которого книга и встреченные им люди стали повседневным его университетом, М Горький в «Слове о полку Игореве» учился смелости, полету образной мысли, у протопопа Аввакума — его причудливому озорству, он тщательно учился у всех великих писателей XIX в, и русских и иностранных. Горячо любил М. Горького Лев Толстой. Они встречались, беседовали, ценили друг друга. «Вспоминаю его острые глаза,— они видели все насквозь » (из записи, сделанной в тот день, когда Горький узнал о смерти Льва Толстого).

Творчество Толстого он впитал особенно жадно, но в стиле своем и ему шел наперекор. Лев Николаевич любил М. Горького, но озорство в его языке, в стиле иногда смущало и раздражало Л.Н. Толстого.

Смелым, веселым, искрящимся словом начал молодой Горький. Как все необычайно сомкнуто, сжато и плотно в ранних его рассказах! Даже море. Даже небо. «По небу двигались толстые пласты лохматых туч, море было спокойно, черно и густо, как масло». Таким плотным, до такой степени ощутимо материальным никто еще не видел ни неба, ни моря. Мир Горького

величественный и жесткий. («Посыпался дождь плотный, крупный»). Дождь не полился, не зашлепал — посыпался, в этом слове влага уплотняется, словно застывает (посыпался град), и эпитеты «плотный», «крупный» бьют в ту же цель дать почувствовать крепкую, упругую силу дождя, как и всего в природе. Ничего размягченного, колышущегося, зыбкого. И дело не только в том, чтобы возможно точнее изобразить облака или дождь, а в том, чтобы верно выразить свое, новое восприятие мира. Так и в живописи у Боттичелли все легко и эфирно, а у Мантеньи фигуры, и природа, и здания, и люди словно вырубленные из камня. У Горького его «живопись» словом ближе к Мантеньи, нежели к Боттичелли. Горький приучает своего читателя видеть в природе ее силу («Гранит, железо, дерево, мостовая», «Закованные в гранит волны моря», «Металлический вопль железных листов», «Дребезжание извозчичьих телег»). Прислушайтесь к звуковой гамме в ранней прозе Горького, к жесткому и гулкому ее звуку. Это в природе. А в жизни человека — труд. Его напряжение, его обнаженные и осязаемые мускулы («Нужно было видеть, как он управлялся с семипудовым куском теста, раскатывая его, или как, наклонившись над ларем, месил, по локоть погружая свои могучие руки в упругую массу, пищавшую в его стальных пальцах»). Труд — любимая тема Горького. И смысл слов поддерживает перелив того же звука: то безударного, то ударного, звучащего все крепче и крепче.

Сама работа писателя над текстом его произведения в чем-то сродни всякому истинно вдохновенному труду. И наоборот, всякий вдохновенный труд сродни поэзии. Вот почему можно так изображать труд самого обыкновенного пекаря. Так же, с таким же подъемом и с удалью, вложенной в поэтическое слово, автор «Коновалова» постоянно изображает труд, например в рассказе «На плотях», где бесхитростный труд грузчиков изображен как своего рода богатырская потеха.

Метафора особенно деятельно участвует в создании горьковского стиля. Ее преобразующая природа, энергия мысли, в ней заключенная, сродни революционному духу этого автора. Так, в романе «Мать» в метафоре

обнажена сила революционного слова: «Слово своею силой будило», «В упор, в лицо ему Рыбин бил тяжелыми, верными словами», «Спивакина зацапали в острог, а слово осталось... оно кричит, живет...»

Во многих случаях в метафоре возникает образ кем-то сказанного слова, в сосредоточенной и жгучей силе которого — азарт поднимающейся революционной бури. Очень многообразно и восприятие слова («жадно слушала...»), «тянет сердце за вашей речью»), и возникают образы страстно, увлеченно говорящего человека, и след в душе от кем-то сказанного слова: «...колючие и резкие щелчки слов».

Метафора создает образ произносимого слова, образ уплотненный, действенный, жгучий. Отвлеченные понятия приобретают совершенную конкретность. Метафора порождает еще и сравнение, в котором гнездится подчиненный основной теме дополнительный образ: «...мысли есть, а не связаны и бродят, как овцы без пастуха». Этот текст вызывает читателя на самопроверку: а что, у меня, у читателя, сосредоточены ли мысли, не бродят ли они туда и сюда без толка? Жив ли во мне некий внутренний пастух, направляющий мысль?

В иной метафоре скрыт своего рода сюжет, целая философия. Только при медленном, внимательном чтении вы входите в сокровищницы поэтического слова. Метафора оживляет образ: «Ветер возится по крыше». Уже А. С. Пушкин чувствовал бытовой колорит этого глагола: «возиться с старыми журналами соседа», «по целым часам возился с ними». И в стихах и в прозе запах этого слова сохраняет насыщенность повседневным бытом и сугубую реалистичность. У М. Горького эта простодушная метафора «ветер возится» придает природе домашний, явственно ощутимый облик с очень своеобразной, поэтической окраской. И в этом — глубокая связь метафоры с индивидуальным стилем автора.

Метафора достигает в повести «Мать» гоголевской смелости, но в особенном, горьковском духе — возникает ощущение физической силы слова: «Ползали и летали слова, тревожные и злые, вдумчивые и веселые».

Кажется, такого рода фразу можно изобразить наглядно, как ползут и летают слова, у каждого свой колорит, своя повадка. Из метафоры вырастают и эпитеты. Так многозвучен в изображении М. Горького говор народной массы.

Метафора М. Горького реальна и сказочна, конкретна и философична. Это игра воображения, и это обнаружение действительной жизни. В особенности поражает, что каждая метафора — открытие нового, а в их совокупности основа смелого, вольного литературного стиля.

В трилогии «Детство», «В людях», «Мои университеты» искусство слова у М. Горького достигает особенной высоты. Текст и изыскан, и бесхитроsten, и со страниц все время слышится голос ребенка, юноши.

Во всех трех частях особенное значение приобретает искусство портрета, который совсем не похож на портрет классического периода русской литературы. Что особенного, например, в таком горьковском портрете из «Детства»: «Меня учила тихонькая, пугливая тетка Наталья, женщина с детским личиком и такими прозрачными глазами, что, мне казалось, сквозь них можно было видеть все сзади ее головы»? В эпитетах «тихонькая, пугливая» ясный переход от внешнего облика к запуганности женщины в условиях изображаемого быта, к ее индивидуальности. Наиболее оригинальное — в концовке, в гиперболе: «до того тиха, до того стушевывается, что ее почти нет, сквозь глаза ее можно видеть дальше». В портрете уже проникновенное и цельное постижение личности.

Может быть, иногда поиски оригинального построения человеческого портрета приводят к искусственности: «Глаза у нее были пришиты к лицу невидимыми ниточками; легко выкатываясь из костлявых ям, они двигались очень ловко, всё видя, всё замечая...» Создавая свой стиль, причудливый и глубоко народный, М. Горький иной раз в этой своей причудливости утрачивает чувство художественной ясности и меры. Но в подавляющем большинстве случаев выбор выражения у него точный. При этом он придерживается крайнего, более резкого слова («злее

сплетничают», «вышиб стекло», «тесно набита... мебелью», «сказал ехидно». Выбор слова постоянно в пользу слова более сильного, более поражающего ум.

Книга, чтение, их живое действие ни в одном романе не занимают такого значительного места, как в повести «В людях». Разного рода читатели, от начетчика, заучившего сотни страниц, до самого Алеши, трепетно и чутко воспринимающего всякое искрящееся слово. И встречает он на своем пути людей, страстно любящих книги: «Читай, малый, читай, годится! Умишко у тебя будто есть... Книги читай, однако помни — книга книгой, а своим мозгом двигай!»

В трилогии М. Горького горячо рассказано о том, как совершался духовный рост ребенка, выросшего в полудикой мещанской среде. И стиль трилогии, ее языковые богатства совершенно созвучны этой высокой цели.

Глава 1. Аспекты изучения словосочетания в отечественной лингвистике

Словосочетание-это непредикативное соединение двух или более знаменательных слов на основе подчинительной связи, которое служит для расчлененного обозначения сложного явления действительности: *заботливый друг, верность долгу, беречь мир, крепко любить*. В словосочетании имеется грамматически господствующее слово- главный, стержневой компонент и грамматически подчинённое слово- зависимый компонент.

Господствующее (главенствующее) слово в словосочетании грамматически и семантически подчиняет себе зависимое слово.

Словосочетание в расчленённом виде обозначает предмет, признак, процесс, отношение (*круглый стол, писать письмо, весело шагать, лежать на траве*).

Грамматическое значение словосочетания определяется типом связи, которая возникает между знаменательными словами на основе подчинительной связи: *круглый стол*- определительное, или атрибутивное, значение; *писать письмо*- объектное значение; *весело шагать*- определительно-релятивное значение и др.

1.1. Аспекты анализа словосочетания

Природа словосочетания как синтаксической единицы сложная. Сложным и противоречивым является и её лингвистическое осмысление. Вопрос о словосочетании связан с решением общих вопросов о составе синтаксических единиц, их сущности и соотнесённости друг с другом. Научные направления в синтаксисе различаются в первую очередь по тому, как решаются эти вопросы. Принципиальными вопросами теории словосочетания являются следующие: вопрос о сущности словосочетания как синтаксической единицы и его дифференциальных признаках, объём понятия «словосочетание», отношение словосочетания к предложению, вопрос о

словосочетании как самостоятельной синтаксической единице, существующей до предложения или же выделяемой из предложения. Дискуссионными являются и такие более частные вопросы, как, например, состав морфолого-синтаксических типов словосочетаний, состав и принципы разграничения количественно-структурных типов, сущность и разновидности подчинительной связи (сильное, слабое управление, именное примыкание) и некоторые другие.

В современной синтаксической науке существуют три направления в понимании словосочетания. Одни учёные понимают словосочетание в широком плане как любое грамматическое соединение пары полнозначных слов, выделяемых из предложения.

Основная идея этой концепции восходит к трудам Ф.Ф. Фортунатова-представителя формального направления в языкознании, который выдвинул проблему словосочетания как центральную в синтаксисе и словосочетание и предложение рассматривал в одном ряду как «незаконченное» и «законченное» словосочетания. Идеи Ф.Ф. Фортунатова нашли отражение в работах его учеников и последователей- А.М. Пешковского и А.М. Петерсона. Под влиянием фортунатовской школы широкое распространение получило понимание словосочетания как пары слов, связанных по смыслу и грамматически и выделяемых из предложения.

Второе направление в понимании словосочетания связано с исследователями В.В. Виноградова, который сужает понятие словосочетания. Значительную роль в формировании его подхода к словосочетанию сыграла идея А.А.Шахматова о двух соотнесённых единицах- словосочетании и предложении. Синтаксис предложения в главе «Учение о предложении» изучает главные члены: сочетание подлежащего и сказуемого не является парой, образующей словосочетание. Синтаксис словосочетания в главе «Учение о словосочетании» занимается второстепенными членами в их отношении к главным и друг к другу. Словосочетания выделяются из предложения. Определяя словосочетание как самостоятельную

синтаксическую единицу низшего уровня, В.В. Виноградов исходит не из предложения, а из слова. Словосочетание образуется на основе слова, принадлежащего к той или иной части речи, в соответствии с правилами его сочетаемости с другими словами и является его номинативной единицей.

Ядром концепции В.В. Виноградова является противопоставление двух синтаксических единиц- словосочетания и предложения. Главное различие между ними может быть сформулировано как различие между непредикативной и предикативной синтаксическими единицами.

Как видно из изложенного, в концепции В.В. Виноградова понятие «словосочетание» употребляется в узком смысле: не все сочетания слов, встречающиеся в предложении, относятся к словосочетаниям. Из числа словосочетаний исключаются: 1) предикативные сочетания, которые формируют предложения; 2) сочинительные сочетания, которые выражают ряд понятий, с грамматически равноправными компонентами, связанными сочинительной связью; 3) полупредикативные сочетания с обособленными членами, которые выражают добавочное сообщение. К словосочетаниям также не относятся предложно-падежные и аналитические формы слов (*в течение дня, вследствие дождей, буду решать, самый умный и т.д.*).

Н.Ю. Шведова ещё более сужает понятие «словосочетание», введя такой признак, как «системная семантическая предсказуемость связи». Иначе говоря, сочетания слов, которые хотя и построены правильно, но семантически случайны, выводятся за пределы понятия словосочетания. Например, в предложении *Толстой в дневнике очень сильно волновался из-за этого письма* (В. Шкловский) связь слов *волновался в дневнике* грамматически правильная, но семантически случайная, несистемная: она не только не предсказывается лексическими значениями слов, но явно с этими словам не сочетается. В подобных случаях Н.Ю. Шведова усматривает не подчинительную связь, а обстоятельную детерминацию предложения падежной формой имени со связью свободного присоединения.

Третье направление в понимании словосочетания связано с исследованиями В.А. Белошапковой. В.А. Белошапкова считает, что в основе этой оппозиции должен быть один критерий: непредикативность/предикативность. С этих оппозиций словосочетание определяется как непредикативное соединение на основе синтаксической связи формы слова с формой слова. В соответствии с этим определением словосочетаниями признаются любые непредикативные конструкции, основанные на синтаксической связи и представляющие реализацию всех её видов- как подчинительной, так и сочинительной. Таким образом, по сравнению с позицией В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой и других понятие словосочетания расширяется: в него включаются как подчинительные, так и сочинительные сочетания слов. [7;60]

1.2. Типы словосочетаний по характеру синтаксических отношений

К наиболее обобщенным типам отношений относятся три типа: атрибутивные, объектные, обстоятельственные. Атрибутивные- это отношения, при которых предмет, явление определяется со стороны своего внешнего или внутреннего качества, свойства, принадлежности: *лесной массив, беличья шуба, шуба из белки, бушующее море*. Объектные- это отношения между называемым в слове действием, состоянием или признаком и тем предметом (в широком смысле), на которое направлено или с которым сопряжено действие, состояние: *любить природу, достойный похвалы*. Обстоятельственные- это отношения, при которых действие, состояние, признак определяются со стороны своего качества или условий его проявления: *слишком яркий, гулять в лесу, ложиться на рассвете*. [8;41]

1.3. Виды подчинительной связи в словосочетаниях

В словосочетании с подчинительной связью выделяются три её разновидности: согласование, управление, примыкание.

Согласование- вид подчинительной связи, которая выражается уподоблением формы зависимого слова форме главного слова в роде, числе, падеже: *берёзовая ветка, льющаяся вода*; или числе и падеже: *берёзовые ветки, распускающиеся почки*; или в падеже: *с тремя рублями, трёх рублей*. При изменении главного слова изменяется и зависимое. В качестве зависимых слов выступают имена прилагательные и слова, подобные им по характеру словоизменения (причастия, местоимения-прилагательные, порядковые числительные): *подстриженные деревья, особое мнение, первый номер*. Средством связи является окончание зависимого слова. Порядок слов-препозиция зависимого слова.

Управление- вид подчинительной связи, которая выражается присоединением к главному слову существительного в косвенном падеже с предлогом или без него: *строить дом, способный на подвиг, прогулка в лес, втихомолку от родителей*. В качестве зависимых слов кроме существительных могут выступать субстантивированные слова и обобщённо-предметные местоимения: *ухаживать за ранеными, помогать им*. Средством связи является окончание зависимого слова и, если есть, предлог: *ехать морем, ехать по морю*. Порядок слов при управлении- постпозиция зависимого слова.

Примыкание- вид подчинительной связи, при которой в качестве зависимых компонентов выступают неизменяемые слова и словоформы. Например, наречие: *повернуть налево, окна настежь*; инфинитив: *попросить прийти, посоветовать отдохнуть*; деепричастие: *бежать не оглядываясь, идти задыхаясь*; компаратив: *работать лучше, просить настойчивее*; несклоняемые прилагательные: *юбка клеи, пальто реглан*. Средство связи при примыкании формально не выражено, эта связь

интонационно-смысловая. Главным словом может быть слово любой части речи. [42;286]

1.4. Структурные типы словосочетаний

Структурные типы словосочетаний выделяются на основе характеристики главного слова как части речи. Существуют четыре типа таких словосочетаний: субстантивные (*белый снег*); адъективные (*белый в крапинку*); глагольные (*писать письмо*); наречные (*слишком быстро*). Что касается словосочетаний с главным словом-местоимением (*кто-то в белом*) или числительным (*два товарища*), то они либо выделяются наравне с отмеченными типами, либо включаются в состав субстантивных словосочетаний, либо не вычленяются вовсе. [41;278]

Классификация словосочетаний по составу (по структуре)

Простым называется словосочетание, состоящее из двух знаменательных слов, между которыми устанавливается какой-либо тип синтаксических отношений: *яркие звёзды, небо без звёзд, устремиться ввысь*.

Сложное словосочетание состоит из трёх и более компонентов, между которыми два и более видов синтаксических отношений. Сложное словосочетание образуется путём распространения простого: *фарфоровая ваза- фарфоровая ваза с художественной росписью, очень красивая фарфоровая ваза с художественной росписью*.

Помимо **простых** и **сложных** словосочетаний, выделяют также: **комбинированные**. Основным критерием этой классификации является способ связи слов в составе словосочетания. Комбинированными называют словосочетания, образованные разными видами связи, исходящими от разных стержневых слов. Например, в словосочетании «увлечённо читать

интересную книгу» можно выделить следующие пары стержневых и зависимых слов: «увлечённо читать», «читать книгу», «интересную книгу».
[41;281]

1.5. Свободные и несвободные словосочетания

По степени семантической спаянности различаются синтаксически свободные и синтаксически несвободные (цельные) словосочетания.

В свободных словосочетаниях каждый компонент сохраняет самостоятельность в силу достаточной информативности, и поэтому в составе предложения каждый компонент словосочетания функционирует как самостоятельный член. Синтаксические связи между компонентами являются живыми и продуктивными: *работать в саду, ожидать ответа, быстро отреагировать, сырая погода, белый в полоску*. В синтаксически несвободных словосочетаниях полнота лексического значения одного из компонентов ослаблена или он является информативно недостаточным.

Синтаксически несвободные (нечленимые, неделимые, цельные) словосочетания выполняют роль одного члена предложения. Так, в предложении «Много песен над Волгой звенело» можно отметить цельное словосочетание «много песен» и свободное словосочетание звенело над Волгой.

Цельные словосочетания, как и синтаксически свободные, имеют структурную схему, обладают определенным грамматическим значением; их компоненты связаны между собой одним из способов подчинительной связи: согласованием, управлением, примыканием. В цельных словосочетаниях главное слово не имеет достаточной для члена предложения семантической полноты, хотя и оно семантически значимо. Его основная роль — роль структурного компонента члена предложения, а зависимое слово выступает в качестве семантического конкретизатора, то есть берет на себя основную смысловую нагрузку члена предложения.

Цельность (синтаксическая спаянность) некоторых словосочетаний создается и обнаруживается лишь в составе предложения.

Несвободные словосочетания состоят из слов лексически несамостоятельных, т.е. из слов с ослабленным или утраченным лексическим значением. Такие словосочетания по своей семантике и функции особенно близки отдельному слову. При функционировании в предложении несвободные словосочетания не расчленяются и выступают в позиции одного члена предложения. Несвободные словосочетания делятся на несвободные синтаксически и несвободные фразеологически.

1) Синтаксически несвободные словосочетания лексически связанные и нечленимые в данном контексте; например, в предложении *Ко мне подошла девушка высоко роста* несвободно, оно выполняет единую определительную функцию, ср.: высокорослая девушка. Словосочетание *высокого роста* нечленимо, так как существительное в его составе лексически обеднено (нельзя сказать: *девушка роста*). Однако то же словосочетание в иных контекстуальных условиях может выступать как вполне свободно построенное, например: *Высокий рост выделял эту девушку в группе* (ср.: *Рост выделял эту девушку в группе*). Оба слова в таком словосочетании лексически полноценны. Словосочетание *два мальчика* также в зависимости от контекстуальных условий своего употребления может быть то свободным, то несвободным, ср.: *Я любовался игрой этих двух мальчиков* (оба слова лексически полноценны и в предложении занимают самостоятельную позицию: *Я любовался игрой этих мальчиков*). В предложении *Два мальчика подошли к столбу* оба слова лексически связаны, и расчленение словосочетания невозможно, оно выполняет функцию одного члена предложения. Значит, синтаксически несвободные словосочетания обнаруживаются лишь при функционировании в конкретных предложениях, где они утрачивают отдельность своих компонентов.

2) **Фразеологически связанные словосочетания** – это словосочетания, в которых один из компонентов имеет фразеологически связанное значение. Этот компонент проявляет резко ограниченную (чаще всего единичную) сочетаемость: карие глаза, трескучий мороз, проливной дождь, закадычный друг – прилагательные в этих словосочетаниях не могут сочетаться ни с какими другими существительными, кроме указанных. [41;280]

1.6. Структура и семантика синтаксически цельных словосочетаний

1) Словосочетания с количественным значением. Количественную характеристику предметов несет в себе главное слово. Сама идея количества в языке связана с наличием однородных предметов, которые подвергаются счету. Без называния этих предметов "количественное" имя теряет связь, соотнесенность с реальной действительностью, становится абстрактным, в общем-то "пустым". Поэтому имена, обозначающие количество, притягивают к себе существительные, чаще всего конкретной семантики. Роль главного слова в таких словосочетаниях выполняют прежде всего количественные числительные: «Мне было *восемнадцать лет*, когда я познакомился с Коноваловым» (М. Горький «Коновалов»). «Прошло две недели, снова наступило воскресенье, и снова Василий Легостев, лежа на песке около своего шалаша, смотрел в море, ждал Мальву» (М. Горький «Мальва»). Кроме того, семантику определенного количества несут в себе так называемые счетные существительные: десяток, пяток, дюжина, пара, сотня.

В некоторых случаях употребление такого существительного на месте возможного числительного связано с передачей приблизительного количества: «Не было по тем краям деревни, в которой был *пяток-другой жителей* не давал богу клятвы убить Лойко, а он себе жил, и уж коли ему

понравился конь, так хоть полк солдат поставь сторожить того коня- всё равно Зобар на нём гарцевать станет!». (М. Горький «Макар Чудра»).

Если речь идет о неопределенном количестве, то в качестве главного компонента выступают такие слова, как много - немного, мало - немало, сколько - несколько, столько. Неопределенно-количественные слова имеют широкую сочетаемость и употребляются, в отличие от количественных числительных и счетных существительных, с именами существительными разных лексико-семантических групп: и с конкретными (мало книг, несколько страниц), и с абстрактными (много работы, немного терпения), и с вещественными (сколько малины, мало воды), и с собирательными (столько тряпья, много листвы). «Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось *много силы* и живого огня». (М. Горький «Старуха Изергиль»).

К этой группе также относятся словосочетания, в которых главное слово выражено существительным, обозначающим совокупность, меру, объем и т. д.; *груда камней, стакан молока, метр сукна, стая волков, стадо коров, кусок неба, край деревни, группа студентов, толпа народа, масса цветов* и т. д. Например: «Он сидео на мешках с мукой, держа в одной руке стакан чаю, а другой медленно поглаживая броду» (М. Горький «Коновалов»); «Когда он поравнялся с одной из групп босяков-грузчиков, расположившихся в тени *под грудой корзин* с углём, ему навстречу встал коренастый малый с глупым, в багровых пятнах, лицом и поцарапанной шеей, должно быть недавно избитый». (М. Горький «Челкаш»).

Эти разновидности количественно-именных словосочетаний, образуя переходные звенья, показывают отсутствие резких границ между лексическим значением числительных и существительных с близким значением, поэтому для последней группы (группы б) можно допустить вариативность при синтаксическом разборе: некоторые из них рассматривать как цельные словосочетания (как один член предложения), а некоторые —

как свободные (каждый компонент словосочетания — как отдельный член предложения). Одним из приемов разграничения цельных и свободных словосочетаний может быть замена словосочетаний с управлением словосочетаниями с согласованием. Если при таком преобразовании сохраняется лексическая семантика словосочетаний, то предпочтительнее рассматривать каждое слово словосочетания как отдельный член предложения. Ср.: стая волков — волчья стая; отара овец — овечья отара; опушка леса — лесная опушка, но стакан молока (молочный стакан имеет другое значение); край села (сельский край имеет другое значение). Некоторые словосочетания вообще не допускают такой трансформации: метр сукна, килограмм творога и под. Такие словосочетания лучше рассматривать как один член предложения. [3;46]

2) Словосочетания со значением избирательности построены по определенной модели: "имя в им.п. (в начальной форме словосочетания) + из + имя в род.п." Позицию главного компонента обычно замещает числительное или местоимение (определяющее, вопросительно-относительное, отрицательное, неопределенное): двое из группы, каждый из нас, кто из вас, кто-то из присутствующих: «Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами и видел: там плыли тени, их было много, и *одна из них*, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр,- она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они». (М. Горький. «Старуха Изергиль»). [3;47]

3) Словосочетания со значением совместности построены по схеме: "имя в им.п. + с + имя в тв.п." или «имя в И.п. + вместе с + имя в Т.п.». Неделимость такого словосочетания сохраняется только при сказуемом во множественном числе.

Одним из видов цельных словосочетаний с общим значением совместности являются сочетания существительных или местоимений,

объединенных предлогом с: мать с сыном, мы с тобой, нитка с иглой и т. Д. «*Мы с Рагимом* варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда всё кажется призрачным, одухотворённым, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать». (М. Горький «Песня о Соколе»); «Это только паны продают всё, от своих свиней, до своей совести, а *мы с Кошутом* воевали и ничем не торгуем». (М. Горький «Макар Чудра»).

При таких словосочетаниях, выполняющих роль подлежащего, сказуемое имеет форму множественного числа, устанавливая тем самым равнозначность деятелей — соучастников действия. Цельные словосочетания этой разновидности синонимичны блоку подлежащего, состоящему из однородных членов, связанных сочинительным союзом: «Я и старуха устроились на берегу» (М. Горький «Старуха Изергиль»).

При сказуемом в форме единственного числа Мать с сыном пошла гулять предикативное сочетание составляют лишь слова мать пошла, а словоформа с сыном имеет значение дополнения, управляется сказуемым и входит в словосочетание с сыном пошла (пойти с сыном). Особенно очевидно объектное значение словоформы типа с сыном при дистантном отграничении существительных или местоимений: Володька жил с мамой (Яковлев).

Словосочетания, имеющие эту же схему, могут быть и синтаксически свободными: На арене появился фрегат с черными парусами (Яковлев). Словоформа с парусами—несогласованное определение.

В следующих предложениях словоформа с предлогом с входит в состав глагольных словосочетаний: «Не пошли мы тогда с ним». (М. Горький. «Старуха Изергиль»); «*Мы с ним* лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом,- у камня печального, хмурого». (М. Горький. «Песня о Соколе»). [3;48]

4) При характеристике человека часто в роли одного члена предложения (несогласованного определения, именной части сказуемого, обстоятельства образа действия и др.) выступают словосочетания, состоящие из словоформ с глазами, с носом, с лицом, роста и под. и определяющих их прилагательных: «Кругленькая, полная, с чёрными бойкими глазами и румянцем во всю щёку, босая, в одном мокром сарафане, приставшем к её телу,- она повернулась к Силану лицом и, ласково улыбаясь, сказала:- Уж больно ты бережёшь меня». (М. Горький. «На плотях»); «Каждое утро к стеклу окошечка, прорезанного в двери из сеней к нам в мастерскую,- прислонялось маленькое, розовое личико с голубыми, весёлыми глазами». (М. Горький. «Двадцать шесть и одна»).

Семантические конкретизаторы — прилагательные: немолодой, сухопарый; цельные словосочетания: среднего роста, с умным лицом, серыми глазами. Такие словосочетания могут быть и свободными, то есть каждый компонент их может выполнять в предложении функции отдельных членов предложения. Ср.: У нее было усталое лицо.— Лицо у нее было усталое (Фогель). [3;48]

5) Особую группу цельных словосочетаний образуют сочетания прилагательного и причастия с существительным, называющим родовое понятие: Тщеславный человек всегда бывает низок (Чайковский); Был он человеком вольным, одиноким (Паустовский). Словосочетания этой разновидности можно квалифицировать как цельные лишь при вычленении их из предложения, с учетом особенностей их функционирования в речи. Более свободны словосочетания, выполняющие роль подлежащего, так как они обозначают обычно «данное» (здесь чаще возможны вариативные квалификации — тщеславный человек и тщеславный человек); более связаны словосочетания в составе сказуемого, так как сказуемое обычно содержит «новое» (здесь предпочтительнее семантический вариант, с включением прилагательного в состав сказуемого). При построении данных выше

предложений и им подобных во многих случаях, по-видимому, «срабатывает» стереотип — потребность в опорном слове — существительном. Однако, выполняя роль структурного элемента схемы, существительные типа человек не сохраняют свою семантическую полновесность. Поэтому в позиции подлежащего возможна субстантивация прилагательного при эллипсисе (пропуске) существительного: Тщеславный всегда бывает низок (но невозможно: Человек всегда бывает низок). При эллипсисе существительного в позиции сказуемого прилагательное, сохраняя свои свойства, становится предикативным признаком: Был он вольным, одиноким.

Роль структурного ядра подлежащего и дополнения нередко выполняют местоимения, сочетающиеся с конкретизирующими их прилагательными. Эти случаи, как и многие из рассмотренных выше, допускают двоякий синтаксический разбор. Такие словосочетания очень выразительны в смысловом отношении, так как сочетают семантическую неопределенность деятеля (или носителя признака) и объекта действия с характеристикой некоторых его свойств. Так, очарование, прелесть Анны Карениной в субъективной оценке Кити получают следующее выражение: «Да, что-то чуждое, бесовское и прелестное есть в ней»,— сказала себе Кити (J1. Толстой), где местоимение и прилагательные сливаются в единый структурно-семантический компонент. Ср. также: Она думает о том, что все настоящие мужчины должны делать что-то трудное и опасное (Яковлев). [3;49]

б) Об исконной связи синтаксиса и лексики свидетельствуют цельные словосочетания, в которых главное слово своим лексическим значением соответствует члену предложения, а зависимое — раскрывает это значение: в тяжелых обстоятельствах, по причине болезни, в пятом часу, в целях безопасности, в тихом месте, при этом условии и т. д. Например: Летней порой в степи нередко уже утром возникают миражи... (Фогель); Смешной

ребячий страх, который я испытываю перед Дарьей Степановной, странным образом украшает мне жизнь (Грекова); Так уж сложилась жизнь, что поездить пришлось немало. Не по работе, совсем по другой причине (Серебровская). [3;49]

7) Особую группу составляют сочетания существительных, объединяемых предлогами от и до, с в до в цельную структурно-семантическую единицу: «*С восхода по закат* работали, *взошла луна*, и уже поют!» (М. Горький. «Старуха Изергиль»); «*Целый день с утра до десяти часов вечера* одни из нас сидели за столом, рассучивая руками упругое тесто и покачиваясь, чтоб не одеревенеть, а другие в это время месили муку с водой». (М. Горький. «Двадцать шесть и одна»).

При дистантном расположении таких словоформ каждая из них — отдельный член предложения: С батареи Илюшин направился в дивизион (Яковлев). [3;50]

8) Как один член предложения можно анализировать словосочетания, представляющие собой метафоры, перифразы и т. д. Например: «И сами люди, первоначально родившие этот шум, смешны и жалки: их фигурки, пыльные, оборванные, юркие, согнутые под тяжестью товаров, лежащих на их спинах, суетливо бегают то туда, то сюда *в тучах пыли, в море зноя и звуков*, они ничтожны по сравнению с окружающими их железными колоссами, грудями товаров, гремящими вагонами и всем, что они создали». (М. Горький. «Челкаш»).

Разбивка их на отдельные члены предложения уничтожает семантическую целостность художественного образа.

9) Словосочетания со значением обобщенности обязательно включают в свой состав местоимение весь. Оно чаще всего согласуется с личными местоимениями множественного числа: все мы, все вы, все они, - образуя с ними цельное словосочетание: «Её скрипучий голос звучал так, как будто это

роптали *все забытые века*, воплотившись в её груди тенями воспоминаний». (М. Горький. «Старуха Изергиль»).

Нередко встречаем примеры употребления с местоимением весь субстантивированных прилагательных и причастий. Семантико-синтаксическая спаянность таких слов с местоимением определяется абстрактной семантикой первых. Добавление к ним местоимения не усугубляет значение абстрактности, как может показаться на первый взгляд, а, напротив, помогает субстантивированному слову "опредметиться": «Все мокрые мы вышли из воды» (М. Горький. «На плотях»).

10) Словосочетания со значением неопределенности в качестве главного компонента содержат неопределенное местоимение. Обычно среди данных словосочетаний называют те, что строятся по схеме "что-то (нечто) + субстантивированное прилагательное": «И наконец- наверно, это главное- все мы считали её *чем-то своим, чем-то таким*, что существует как бы только благодаря нашим кренделям; мы вменили себе в обязанность давать ей горячие крендели, и это стало для нас ежедневной жертвой идолу, это стало почти священным обрядом и с каждым днём всё более прикрепляло нас к ней». (М. Горький. «Двадцать шесть и одна»); «На лице Челкаша сияла добродушно-хитрая улыбка, и весь он имел вид человека, задумавшего *нечто* весьма *приятное* для себя и *неожиданное* для Гаврилы». (М. Горький. «Челкаш»); «Но, кроме песен, у нас было ещё *нечто хорошее, нечто любимое* нами и, может быть, заменявшее нам солнце». (М. Горький. «Двадцать шесть и одна»).

Действительно, из всех примеров, относящихся к цельным словосочетаниям со значением неопределенности, данная конструкция встречается чаще всего. Однако отметим и другие модели. Разновидностью отмеченной выше схемы является конструкция "(что-то) + вроде + чего: ...То, что для других было развлечение, для мальчика стало чем-то вроде выгодной профессии (В. Катаев).

Перечень цельных словосочетаний описываемой группы можно продолжить, присоединив к ним такие конструкции, как "где-то + наречие или существительное с обстоятельственным значением места" (где-то здесь, где-то за городом), "когда-то (однажды) + наречие или существительное с обстоятельственным значением времени" (когда-то зимой, однажды в июле): Где-то далеко задорно перекликались петухи (А. Гайдар). Кое-где в тени лежали еще островки серого снега... (А. Гайдар). Сделайте одолжение, растолкуйте мне когда-нибудь на днях, по соседству (Ф. Достоевский). Однажды ночью далеко над степью встало красное зарево (В. Катаев).

Таким образом, цельные словосочетания с общим значением неопределенности - достаточно разнородная по семантике и формам группа, в которой ярко проявляются конструкции со значениями: неопределенного предмета (что-то вроде бутылки), неопределенного понятия (что-то обидное), неопределенного места (где-то в деревне), неопределенного времени (когда-нибудь в августе).

11) Словосочетания с отрицательным значением (ничего хорошего, никто из нас) обычно не выводят в отдельную группу. Причина этого очевидна. Несмотря на особенность в значении, они имеют интегральные признаки с неделимыми словосочетаниями других групп. Словосочетания типа ничего удивительного, ничего интересного рассматривают среди словосочетаний с неопределенным значением типа что-то удивительное, что-то интересное. Различаются они, как правило, тем, что первые употребляются в отрицательных конструкциях, а вторые в утвердительных. Сравните: Конечно, в этом не было ничего обидного (В. Катаев). - Конечно, в этом было что-то обидное. И в отрицательной конструкции, как и в утвердительной, словосочетания имеют характер неопределенности. Что касается словосочетаний типа никто из них, ничто из сказанного, то они по структуре сближаются со словосочетаниями со значением избирательности, но по значению занимают промежуточное звено между отрицательными и обобщенными: Никто из купцов не хотел принимать сторожа на работу (А.

Гайдар). Местоимение никто усиливает отрицательное значение конструкции, переданное отрицательной частицей "не", но вместе с тем выражает значение обобщения: никто - значит все.

«Ничего хорошего из этого бы не вышло». (М. Горький. «Челкаш»); «У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел *ничего этого*». (М. Горький. «Старуха Изергиль»).

12) Словосочетания с фазисным значением в роли главного слова имеют существительные начало, середина и конец. Эти слова обозначают прежде всего временной промежуток, вернее, его часть: «Всё это- звуки и запахи, тучи и люди- было странно красиво и грустно, казалось *началом* чудной *сказки*». (М. Горький. «Старуха Изергиль»).

Они могут указывать на определенную стадию в ходе развития события: Перед началом занятий происходила торжественная молитва о даровании победы (А. Гайдар). Но эти слова используются также для обозначения пространственных фаз: Люди молча, с яростным любопытством продирались вперед, к середине толпы... (К. Паустовский).

13) Словосочетания с информативно избыточным словом реализуются в пределах сложного словосочетания, где они занимают позицию зависимого компонента: «Она всё молчала, всё смотрела на нас *дикими глазами* и всю её била дрожь». (М. Горький. «Двадцать шесть и одна»); «Скоро *спешной походкой* с озабоченным лицом по двору прошла Таня, перепрыгивая через лужи талого снега и грязи». (М. Горький. «Двадцать шесть и одна»); «Вся облитая солнцем, она смотрела вперёд *задумчивыми глазами*, и на её губах играла та загадочная и чарующая улыбка, которая и некрасивую женщину делает обаятельной и желанной». (М. Горький. «На плотях»).

Неделимое словосочетание состоит из существительного в роли главного компонента и прилагательного или другого существительного в роли зависимого слова. Информативная избыточность зависимого

существительного особенно остро чувствуется в его соотношении с главным словом из сложного словосочетания: смеяться (хохотать, заливаться) ... смехом, улыбаться ... улыбкой, говорить (сказать, спросить, кричать и т.п.)... голосом (словами), плакать (рыдать) ... слезами, смотреть (глядеть) ... глазами, целовать ... губами, спать (храпеть) ... сном; человек (мужчина, женщина, юноша, девушка, мальчик, девочка и т.п.) с головой (лицом, глазами, носом, ртом и т.п.). Обязательный зависимый компонент при таких существительных "нейтрализует" момент избыточности. Примыкают к данной группе словосочетаний неделимые словосочетания типа человек высокого роста, портфель большого размера, платье белой парчи, работа огромного значения, специалист высокого класса. Такие конструкции также реализуются в пределах сложного словосочетания. Кроме того, здесь также можно отметить строгую структурную модель реализации. Однако зависимый компонент сложно назвать информативно избыточным. Напротив, в нем заложена новая информация о предмете высказывания.

14) Словосочетания с информативно недостаточным словом. Среди слов с абстрактной семантикой немало существительных с весьма размытым значением. С помощью определения они обретают конкретные смыслы. Можно сказать, определение наполняет их содержанием. В эту группу входят такие существительные, как: вид, выражение, взгляд, занятие, дело, идея, затея, известие, случай, время и др.: Девочки любили нанизывать эти ракушечки на суровую нитку. Получались превосходные бусы. Но это было не мужское занятие (В. Катаев). ...Провести осенние каникулы запертым в квартире вместе с Бульбой - не самая хорошая идея (Д. Емец). "Неполноценность" таких существительных проявляется в том, что они не могут быть самостоятельными в синтаксическом плане (входят в состав цельного словосочетания). Основная смысловая нагрузка лежит на зависимом компоненте, что особенно подчеркивается при использовании приема трансформации: *валить такие деревья - занятие очень веселое, но и опасное...* (М. Пришвин). (*Валить такие деревья весело, но и опасно*).

15) сочетание местоимения (указательного или определительного) с той же падежной формой существительного или местоимения – каждый раз, сам отец, нам всем, в этот миг, все это.

«Что ж,- он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, да и умереть, не успев даже могилы *самому себе* выковырять?». (М. Горький. «Макар Чудра»); «Живём мы да живём на том месте, дела у нас *о ту пору* хорошие были, и Зобар с нами». (М. Горький. «Макар Чудра»); «Стоят и *те трое*, хмурые все». (М. Горький. «Старуха Изергиль»).

Итак, нами намечены основные структурно-семантические группы синтаксически цельных словосочетаний. Следующий момент знакомства с ними связан с описанием их синтаксических возможностей в предложении. Какую синтаксическую роль в предложении выполняют они? Ответ очень прост. Неделимое словосочетание может быть в позиции любого члена предложения. Рассмотрим примеры разных членов предложения, выраженных словосочетанием.

1) Подлежащее: «Стоят *два человека* и зверями смотрят друг на друга, а оба такие хорошие, удалые люди». (М. Горький. «Макар Чудра»).

2) Сказуемое: «Быть проводником - почетное, ответственное задание» (В. Катаев). «Тимка Штукин был безобидным и безответным мальчуганом» (А. Гайдар).

3) Дополнение: «Иная ждёт, ждёт своего карпатского молодца, думает, что он уже в тюрьме или убит где-нибудь в драке,- и вдруг он один, а то с *двумя-тремя товарищами* как с неба упадёт к ней». (М. Горький. «Старуха Изергиль»).

4) Определение: «Они шли, пели и смеялись; мужчины- бронзовые, с пышными, чёрными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и

широких шароварах; женщины и девушки- и гибкие, с *тёмно-синими глазами*, тоже бронзовые». (М. Горький. «Старуха Изергиль»).

5) Обстоятельство: «Нас было *двадцать шесть человек* - двадцать шесть живых машин, запертых в сыром подвале....». (М. Горький. «Двадцать шесть и одна»).

Приведённый перечень цельных словосочетаний охватывает лишь основные их типы. Знание их необходимо, так как цельные словосочетания нередко занимают ключевые позиции в предложении, и в одном предложении может быть несколько цельных словосочетаний различных разновидностей. Например: «Шум в трактире сливался в *одну ноту*, и казалось, что это рычит какое-то огромное животное, оно, обладая *сотней* разнообразных *голосов*, раздражённо, слепо рвётся вон из этой каменной ямы и не находит выхода на волю...». (М. Горький. «Челкаш»).

Глава 2 Структурные и семантические типы СЦС в ранних рассказах М. Горького

В ранних рассказах М. Горького нами было обнаружено 1342 синтаксически цельных словосочетания в 2195 употреблениях. Результаты анализа мы представляем с наиболее продуктивными моделями.

2.1. СЦС с семантикой количества

Нами выявлено 322 СЦС с количественным значением. Общая модель таких СЦС "слово с количественным значением + сущ. в Р.П.". Она реализуется в частных моделях.

А) СЦС с семантикой точного количества. Таких СЦС в нашем материале. Они представлены частными моделями:

1) «Количественное числительное + сущ. в Р.П.»

1) «И так я бегала *три месяца*, пока была любовь; все ночи этого времени бывала у него» («Старуха Изергиль»).

Количественные числительные в составе таких СЦС различны по структуре: простые, сложные, составные:

1) «*Стоят два человека* и зверями смотрят друг на друга, а оба такие хорошие, удалые люди». («Макар Чудра»).

2) «*Нас было двадцать шесть человек* - двадцать шесть живых машин, запертых в сыром подвале....». («Двадцать шесть и одна»).

3) «*Но через двадцать лет* она сама пришла, измученная, иссохшая, а снею был юноша, красивый и сильный, как сама она *двадцать лет* назад». («Старуха Изергиль»).

В качестве зависимого компонента используются конкретные существительные:

а) с семантикой лица

1) «Иная ждёт, ждёт своего карпатского молодца, думает, что он уже в тюрьме или убит где-нибудь в драке,- и вдруг он один, а то *с двумя-тремя товарищами* как с неба упадёт к ней». («Старуха Изергиль»).

2) «Злобы, брат ты мой, в ту пору у меня хватило бы хоть *на десять купцов*». («Емельян Пиляй»).

б) с семантикой промежутка времени

1) «Уж испугался, отполз повторно, но скоро понял, что жизни птицы *две-три минуты...*» («Песня о Соколе»).

Но наиболее продуктивно существительное во множественном числе родительном падеже – «лет»:

1) «Я жила с матерью под Фальми, на самом берегу Бырлата; и мне было *пятнадцать лет*, когда он явился к нашему хутору». («Старуха Изергиль»).

2) «Но через *двадцать лет* она сама пришла, измученная, иссохшая, а снею был юноша, красивый и сильный, как сама она *двадцать лет* назад». («Старуха Изергиль»).

в) Также продуктивно существительное «раз», которое в сочетании со словом, обозначающим количество, указывает на один момент или кратность, повторяемость какого-нибудь действия:

1) «*Один раз* на свете-то живут, кажинный день умереть можно». («На плотях»).

г) Встречаются существительные – соматизмы:

1) «Изрубили его, у него вытек *один глаз* от ударов, и *два пальца* на левой руке были тоже отрублены». («Старуха Изергиль»).

2. «Имя существительное, образованное от количественного числительного + имя существительное в Р.п.».

1) «Шум в трактире сливался в одну ноту, и казалось, что это рычит какое-то огромное животное, оно, обладая *сотней* разнообразных *голосов*, раздражённо, слепо рвётся вон из этой каменной ямы и не находит выхода на волю...». («Челкаш»).

3. «СЦС, объединённые предлогами от и до, с и до, с и по с семантикой времени.

Словосочетания в данной группе являются обстоятельством времени.

1) «С *восхода по закат* работали, взошла луна, и уже-поют!» («Старуха Изергиль»).

2) «Целый день *с утра до десяти часов вечера* одни из нас сидели за столом, рассучивая руками упругое тесто и покачиваясь, чтоб не одеревенеть, а другие в это время месили муку с водой». («Двадцать шесть и одна»).

Б). СЦС с семантикой приблизительного количества представлены несколькими моделями:

1. «предлог *около* + количественное числительное в Р.п. + сущ. в Р.п.»

1) «И вот уже *около трех десятков лет* живу здесь». («Старуха Изергиль»)

2. «сущ. в Р.п. + предлог *через* + количественное числительное»

1) «Челкаш вернулся *часа через два*». («Челкаш»).

3. « Имя существительное, образованное от количественного числительного + имя существительное в Р.п.

1) «Не было по тем краям деревни, в которой был *пяток-другой жителей* не давал богу клятвы убить Лойко, а он себе жил, и уж коли ему понравился конь, так хоть полк солдат поставь сторожить того коня- всё равно Зобар на нём гарцевать станет!». («Макар Чудра»).

Частотно употребление в качестве зависимого компонента слова «время» в Р.п.:

1) «Прошло *с месяц времени*, солдат пёк булки, гулял с золотошвейками, часто заходил к нам в мастерскую, но о победах над девицами не рассказывал, а всё только усы крутил да смачно облизывался». («Двадцать шесть и одна»).

В) СЦС с семантикой неопределённого количества представлены моделями:

1. « Имя числительное с неопределённо-количественным значением + имя существительное в родительном падеже».

1) «Старуха вздохнула, замолчала, и её голова, опустившись на грудь, *несколько раз* странно качнулась». («Старуха Изергиль»).

2) «То там, то тут они на миг являлись и гасли, точно *несколько людей*, рассыпавшихся по степи далеко друг от друга, искали в ней что-то». («Старуха Изергиль»).

3) «Посмотрели на него и увидали, что он лучший из всех, потому что в очах его светилось *много силы* и живого огня». («Старуха Изергиль»).

2. «Имя существительное с количественным значением + имя существительное в Р.п.».

1) «Когда он поравнялся с одной из групп босяков-грузчиков, расположившихся в тени *под грудой корзин* с углём, ему навстречу встал коренастый малый с глупым, в багровых пятнах, лицом и поцарапанной шеей, должно быть недавно избитый». («Челкаш»).

2) «И сами люди, первоначально родившие этот шум, смешны и жалки: их фигурки, пыльные, оборванные, юркие, согнутые под тяжестью товаров, лежащих на их спинах, суетливо бегают то туда, то сюда в тучах пыли, в море зноя и звуков, они ничтожны по сравнению с окружающими их железными колоссами, *грудами товаров*, гремящими вагонами и всем, что они создали». («Челкаш»).

2.2 СЦС с семантикой избирательности

Модель таких словосочетаний: «Имя + из + имя в Р.п.». Таких СЦС в нашей работе 96.

В результате исследования самой продуктивной моделью получилась та, в котором главное слово «один»:

1) «Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами и видел: там плыли тени, их было много, и *одна из них*, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр,- она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они». («Старуха Изергиль»).

2) «И, наконец, когда *один из ударов* каблуком сапога сильнее других опустился на спину Гаврилы, он вскочил, всё ещё боясь открыть глаза, сел на лавку и, ощупью схватив вёсла, двинул лодку». («Челкаш»).

3) «Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота- это *одна из волн*, посмелее, подползла ближе к нам». («Песня о Соколе»).

Слово «один» в словосочетаниях встречается:

А) в именительном падеже:

1) «И целый день с утра до десяти часов вечера *одни из нас* сидели за столом, рассучивая руками упругое тесто и покачиваясь, чтоб не одеревенеть, а другие в это время месили муку с водой». («Двадцать шесть и одна»).

Б) в винительном падеже:

1) «Иногда мы пели, и песня наша начиналась так: среди работы вдруг кто-нибудь вздыхал тяжёлым вздохом усталой лошади и запевал тихонько *одну из* тех протяжных *песен*, жалобно-ласковый мотив которых всегда облегчает тяжесть на душе поющего». («Двадцать шесть и одна»).

2) «— Расскажи мне, как это было!- попросил я старуху, чувствуя впереди *одну из* славных *сказок*, сложенных в степях». («Старуха Изергиль»).

В) в творительном падеже:

1) «Когда он поравнялся *с одной из групп* босяков-грузчиков, расположившихся в тени под грудой корзин с углём, ему навстречу встал коренастый малый с глупым, в багровых пятнах, лицом и поцарапанной шеей, должно быть недавно избитый». («Челкаш»).

Г) в предложном падеже:

1) «На месте щёк были чёрные ямы, и *в одной из них* лежала прядь пепельно-серых волос, выбившихся из-под красной тряпки, которую была обмотана её голова». («Старуха Изергиль»).

Д) в дательном падеже:

1) «Море тихо вторило началу *одной из* древних легенд, которые, может быть, создались на его берегах». («Старуха Изергиль»).

Е) в родительном падеже:

1) «А она была дочь *одного из старшин*, осудивших его». («Старуха Изергиль»).

Не менее продуктивными оказались словосочетания:

А) где в роли главного слова является слово «каждый»:

1) «И мы до того присмотрелись друг к другу, что *каждый из нас* знал морщины на лицах товарищей». («Двадцать шесть и одна»).

Б) где в роли главного слова является слово «лучший»:

1) «Посмотрели на него и увидали, что он *лучший из всех*, потому что в очах его светилось много силы и живого огня». («Старуха Изергиль»).

В) где в роли главного слова является слово «некоторые»:

1) «*Некоторые из нас* почтительно засмеялись, иные скорчили сладкие рожи, кто-то пояснил солдату, что тут девчонок-девять штук». («Двадцать шесть и одна»).

Менее продуктивными оказались словосочетания, в котором роль главного слова выполняют указательные местоимения:

1) «Наш хозяин забил окна железом для того, чтобы мы не могли дать кусок его хлеба нищим и *тем из наших товарищей*, которые, живя без работы, голодали,- наш хозяин называл нас жуликами и давал нам на обед вместо мяса- тухлую требушину». («Двадцать шесть и одна»).

Семантика избирательности заключается в следующих группах:

1) Из группы лиц:

«-А она была дочь *одного из старшин*, осудивших его». («Старуха Изергиль»).

2) Из группы предметов

«-Иногда в общей гармонии плеска слышится более повышенная и шаловливая нота- это *одна из волн*, посмелее, подползла ближе к нам». («Песня о Соколе»).

2.3. СЦС с семантикой совместности

Такие словосочетания обозначают группу лиц, выполняющую действие вместе.

В нашей работе мы выявили 67 СЦС с семантикой совместности

В предложении СЦС могут являться:

1. Подлежащим:

Модель самых продуктивных словосочетаний этой группы выглядит так: «личное местоимение + имя в творительном падеже».

1) «*Мы с Рагимом* варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда всё кажется призрачным, одухотворённым, позволяющим проникать в себя, когда на сердце

так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать». («Песня о Соколе»).

2) «Это только паны продают всё, от своих свиней, до своей совести, а *мы с Кошутом* воевали и ничем не торговали». («Макар Чудра»).

В такой модели главное слово представлено:

А) личным местоимением в единственном числе:

1) «Не пошли *мы* тогда *с ним*». («Старуха Изергиль»).

Б) личным местоимением во множественном числе:

1) «*Мы с ним* лежим на песке у громадного камня, оторвавшегося от родной горы, одетого тенью, поросшего мхом,- у камня печального, хмурого». («Песня о Соколе»).

2) «Засмеялся Данило, и все *мы с ним*». («Макар Чудра»).

3) «Гей-гоп! Вдруг день придёт сюда,

А мы с тобою спим.

Эй, гей! Ведь *мы с тобой* тогда

В огне стыда сгорим!» («Макар Чудра»).

4) «– Здравствуй, Семёныч! *Мы с тобой* давно не виделись,- спокойно поздоровался Челкаш и протянул ему руку». («Челкаш»).

2. Дополнением:

1) «Но уж толку, братец ты мой, *мы с тобой* не сыщем, потому- *незадача нам с тобой* всю неделю, да и всё тут». («Емельян Пиляй»).

2.4 СЦС с семантикой характеристики человека.

Таких СЦС в нашей работе 123.

Самой продуктивными моделями оказались:

1. Словосочетания с компонентом «глаза».

1) «Они шли, пели и смеялись; мужчины- бронзовые, с пышными, чёрными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах; женщины и девушки- и гибкие, с *тёмно-синими глазами*, тоже бронзовые». («Старуха Изергиль»).

В таких словосочетаниях глаза характеризуются:

А) по цвету:

1) «Кругленькая, полная, с *чёрными бойкими глазами* и румянцем во всю щёку, босая, в одном мокром сарафане, приставшем к её телу,- она повернулась к Силану лицом и, ласково улыбаясь, сказала:- Уж больно ты бережёшь меня». («На плотях»).

2) «Каждое утро к стеклу окошечка, прорезанного в двери из сеней к нам в мастерскую,- прислонялось маленькое, розовое личико с *голубыми, весёлыми глазами*». («Двадцать шесть и одна»).

Б) по размеру:

1) «Парень был широкоплеч, коренаст, русский, с загорелым и обветренным лицом и с *большими голубыми глазами*, смотревшими на Челкаша доверчиво и добродушно». («Челкаш»).

2. Словосочетания с компонентом «лицо»:

1) «Когда он поравнялся с одной из групп босяков-грузчиков, расположившихся в тени под грудой корзин с углём, ему навстречу встал коренастый малый с *глупым*, в багровых пятнах, *лицом* и поцарапанной шеей, должно быть недавно избитый». («Челкаш»).

2) «Парень был широкоплеч, коренаст, русский, *с загорелым и обветренным лицом* и с большими голубыми глазами, смотревшими на Челкаша доверчиво и добродушно». («Челкаш»).

3) «Он успел посмотреть себя ребёнком, всю деревню, свою мать, краснощёкую, пухлую женщину с добрыми серыми глазами, отца- рыжебородого гиганта *с суровым лицом*, видел себя женихом и видел жену, черноглазую Анфису, с длинной косой, полную, мягкую, весёлую, снова себя, красавцем, гвардейским солдатом...». («Челкаш»).

2.5. СЦС с метафорической семантикой.

Данная группа представлена моделью «имя в именительном падеже + имя в родительном падеже». Таких СЦС в нашей работе 76.

В данной группе главное слово характеризует зависимое:

А) по количеству:

1) «И вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в *море солнечного света* и чистого воздуха, промытого дождём». («Старуха Изергиль»).

2) «И сами люди, первоначально родившие этот шум, смешны и жалки: их фигурки, пыльные, оборванные, юркие, согнутые под тяжестью товаров, лежащих на их спинах, суетливо бегают то туда, то сюда *в тучах пыли, в море зноя и звуков*, они ничтожны по сравнению с окружающими их железными колоссами, грудями товаров, гремящими вагонами и всем, что они создали». («Челкаш»).

3) «Там же, вдали, видно много судов: далеко влево- *целый лес мачт* и белые груды домов города». («Челкаш»).

4) «Вот охватывает ветер *стаи волн* объятые крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утёсы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады». («Песня о буреизвестнике»).

Б) по сходству по форме

3) «Море ловит *стрелы молний* и в своей пучине гасит». («Песня о буреизвестнике»).

4) «С них на пышные зеленоватые *гребни* волн упали чёрные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены- все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, ещё скрытой за горными вершинами». («Песня о соколе»).

5) «Это были очень странные голубые *языки огня*, намекавшие на что-то сказочное». («Старуха Изергиль»).

Ещё в данной группе присутствуют такие словосочетания, в которых присутствуют слова «огонь» и «факел» в значении чего-то яркого, светлого и т.д.

1) «И деревья, освещённые холодным *огнём молний*, казались живыми, простирающимися вокруг людей, уходивших *из плена тьмы*, корявые длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаюсь остановить людей». («Старуха Изергиль»).

2) «И вот его сердце вспыхнуло *огнём желания* спасти их, вывести на лёгкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня». («Старуха Изергиль»).

3) «Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещённый этим *факелом* великой *любви* к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зёв болота». («Старуха Изергиль»).

2.6. СЦС с указательно- определительной семантикой.

Таких словосочетаний в нашей работе 252.

Модель: «Сочетания указательного или определительного местоимения с той же падежной формой зависимого слова».

1) «Что ж,- он родился затем, что ли, чтоб поковырять землю, да и умереть, да и умереть, не успев даже могилы *самому себе* выковырять?» («Макар Чудра»).

2) «Живём мы да живём на том месте, дела у нас *о ту пору* хорошие были, и Зобар с нами». («Макар Чудра»).

3) «Стоят и *те трое*, хмурые все». («Старуха Изергиль»).

В данной группе было выделено несколько моделей:

1. с компонентом «весь» в роли зависимого слова.

В роли главного могут выступать:

А) Имя существительное:

1) «Её скрипучий голос звучал так, как будто это роптали *все* забытые *века*, воплотившись в её груди тенями воспоминаний». («Старуха Изергиль»).

2) «С них на пышные зеленоватые гребни волн упали чёрные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены- *все звуки*, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, ещё скрытой за горными вершинами». («Песня о Соколе»).

3) «Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и *весь лес* замолчал, освещённый этим факелом великой любви к людям, а

тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зёв болота». («Старуха Изергиль»).

Б) Личное местоимение:

1) «Каждый голос женщин звучал совершенно отдельно, *все они* казались разноцветными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся кверху, тонули в ней, вырывались из неё». («Старуха Изергиль»).

2) «И наконец- наверно, это главное- *все мы* считали её чем-то своим, чем-то таким, что существует как бы только благодаря нашим кренделям; мы вменили себе в обязанность давать ей горячие крендели, и это стало для нас ежедневной жертвой идолу, это стало почти священным обрядом и с каждым днём всё более прикрепляло нас к ней». («Двадцать шесть и одна»).

3) «И *все они*- только бледные тени, а та, которую они целовали, сидит рядом со мной живая, но иссушенная временем, без тела, без крови, с сердцем без желаний, с глазами без огня,- тоже почти тень». («Старуха Изергиль»).

В) Собирательное числительное

1) «Они благодарили меня, *все четверо*». («Старуха Изергиль»).

Г) Субстантивированное прилагательное:

1) «*Всё хищное* в его фигуре обмякло, стущёванное пониженной задумчивостью, смотревшей даже из складок его грязной рубахи». («Челкаш»).

2) «Челкаш сунул руку в карман своей куртки, вытащил пачку денег, одну радужную бумажку положил обратно в карман, а *все остальные* кинул Гавриле». («Челкаш»).

3) «Челкаш слушал его радостные вопли смотрел на сиявшее, искажённое восторгом жадности лицо и чувствовал, что он- вор, гуляка, оторванный *от всего родного*- никогда не будет таким жадным, низким, непомнящим себя». («Челкаш»).

2. с компонентом «каждый» в роли зависимого слова:

1) «Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране *каждый* древесный *лист* и стебель травы даёт столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там». («Старуха Изергиль»).

2) «*Каждый* голос женщин звучал совершенно отдельно, все они казались разноцветными ручьями и, точно скатываясь откуда-то сверху по уступам, прыгая и звеня, вливаясь в густую волну мужских голосов, плавно лившуюся кверху, тонули в ней, вырывались из неё». («Старуха Изергиль»).

3) «Кожа на лице, шее и руках вся изрезана морщинами, *и при каждом движении* старой Изергиль можно было ждать, что сухая эта кожа разорвётся вся, развалится кусками и предо мной встанет голый скелет с тусклыми чёрными глазами». («Старуха Изергиль»).

4) «Переплелись их ветки между собой; как змеи, протянулись всюду корни, и *каждый шаг* много стоил пота и крови тем людям». («Старуха Изергиль»).

5) «Энергичный, высокий, немного злой и насмешливый, он стоит так, точно прирос к брёвнам босыми ногами, и в напряженной позе, готовый *каждую секунду* поворотить плоты, зорко смотрит вперёд». («На плотях»).

б) «Таня *каждое утро* приходила к нам за «кренделёчками» и, как всегда, была весёлая, милая, ласковая с нами». («Двадцать шесть и одна»).

7) «*Каждое утро* к стеклу окошечка, прорезанного в двери из сеней к нам в мастерскую,- прислонялось маленькое, розовое личико с голубыми, весёлыми глазами». («Двадцать шесть и одна»).

8) «И наконец- наверно, это главное- все мы считали её чем-то своим, чем-то таким, что существует как бы только благодаря нашим кренделям; мы вменили себе в обязанность давать ей горячие крендели, и это стало для нас ежедневной жертвой идолу, это стало почти священным обрядом и *с каждым днём* всё более прикрепляло нас к ней». («Двадцать шесть и одна»).

9) «Я вижу, что *каждый человек* имеет только речь, руки и ноги...а владеет он животными, женщинами, землёй...и многим ещё...». («Старуха Изергиль»).

3. с компонентом «целый» в роли зависимого слова:

1) «Мы *целые дни* спорили друг с другом, как-то поумнели все, стали больше и лучше говорить». («Двадцать шесть и одна»).

2) «И *целый день* с утра до десяти часов вечера одни из нас сидели за столом, рассучивая руками упругое тесто и покачиваясь, чтоб не одеревенеть, а другие в это время месили муку с водой». («Двадцать шесть и одна»).

3) «И *целый день* задумчиво и грустно мурлыкала кипящая вода в котле, где крендели варились, лопата пекаря зло и быстро шаркала о под печи, сбрасывая скользкие варёные куски теста на горячий кирпич». («Двадцать шесть и одна»).

4. с компонентом «один» в роли зависимого слова:

1) «Долго не стой на *одном месте*- чего в нём?» («Макар Чудра»).

2) «На Мораве *один магнат*, старый чубатый, увидел её и остолбенел». («Макар Чудра»).

3) «Долго говорили они, и вот *один мудрец* сказал, подумав долго:- Спросим его, почему он сделал это?». («Старуха Изергиль»).

5. с компонентом «этот» в роли зависимого слова:

1) «Нам он почему-то был неприятен *в этот раз*». («Двадцать шесть и одна»).

2) «*В это утро* мы как-то сразу и впервые почувствовали, что действительно играем большую игру, что эта проба чистоты нашего божка может уничтожить его для нас». («Двадцать шесть и одна»).

3) «*И в этот день* мы скоро услышали её голос». («Двадцать шесть и одна»).

2.7. СЦС с семантикой неопределённости.

Таких СЦС в нашей работе получилось 186. Они представлены следующими моделями:

1) «Неопределённое местоимение + субстантивированное прилагательное или причастие или местоимение»:

1. «Ему стало весело и хотелось сказать *что-нибудь приятное* своему хозяину, который- славный человек!- так вкусно угостил его». («Челкаш»).

2. «И наконец- наверно, это главное- все мы считали её *чем-то своим, чем-то таким*, что существует как бы только благодаря нашим кренделям; мы вменили себе в обязанность давать ей горячие крендели, и это стало для нас ежедневной жертвой идолу, это стало

почти священным обрядом и с каждым днём всё более прикрепляло нас к ней». («Двадцать шесть и одна»).

3. «На лице Челкаша сияла добродушно-хитрая улыбка, и весь он имел вид человека, задумавшего *нечто* весьма *приятное* для себя и *неожиданное* для Гаврилы». («Челкаш»).

4. «Но, кроме песен, у нас было ещё *нечто хорошее, нечто любимое* нами и, может быть, заменявшее нам солнце». («Двадцать шесть и одна»).

5. «Холодное голубое сияние, разрубавшее тьму, заставляя море светиться серебряным блеском, имело в себе *нечто необъяснимое*». («Челкаш»).

Наиболее частотное употребление главного слова:

А) в И.п.

1. «*Кто-то* *получше* позарится на меня». («Макар Чудра»).

Б) в В.п.

1. «Ветер тѣк широкий, ровной волной, но иногда он точно прыгал через *что-то невидимое* и, рождая сильный порыв, развеивал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов». («Старуха Изергиль»).

В) в Т.п.

1. «И наконец- наверно, это главное- все мы считали её *чем-то своим, чем-то таким*, что существует как бы только благодаря нашим кренделям; мы вменили себе в обязанность давать ей горячие крендели, и это стало для нас ежедневной жертвой идола, это стало почти священным обрядом и с каждым днём всё более прикрепляло нас к ней». («Двадцать шесть и одна»).

2) Неопределенное наречие + наречие»:

1. «Гаврила начал *как-то странно* смеяться смехом, похожим на рыдание». («Челкаш»).

2. «Я знал её голос густого, грудного тембра, всегда *как-то странно*, недовольно и требовательно звучащий- пела ли она песню, говорила ли «здравствуй». («Макар Чудра»).

2.8. СЦС с семантикой отрицания.

Таких словосочетаний в нашей работе 165. Они представлены моделью: «Отрицательное местоимение + субстантивированное прилагательное или причастие или местоимение».

1. «*Ничего хорошего* из этого бы не вышло». («Челкаш»).

2. «У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел *ничего этого*». («Старуха Изергиль»).

Чаще всего данная модель встречается в Р.п.:

1. «Ему, должно быть, не за что было уважать себя, кроме как за своё умение совращать женщин; быть может, кроме этой способности, в нём не было *ничего живого*, и только она позволяла ему чувствовать себя живым человеком». («Двадцать шесть и одна»).

2. «Хотели разорвать его лошадьми- и это казалось мало им; думали пустить в него всем по стреле, но отвергли и это; предлагали сжечь его, но дым костра не позволил бы видеть его мучений; предлагали много- и не находили *ничего* настолько *хорошего*, чтобы понравилось всем». («Старуха Изергиль»).

2.9. СЦС с семантикой промежутка времени.

Данная группа оказалась самой непродуктивной. В ходе работы было найдено только 1 словосочетание

Модель: «главное слово с фазисным значением + существительные *начало, середина, конец*».

1) «Всё это- звуки и запахи, тучи и люди- было странно красиво и грустно, казалось *началом* чудной сказки». («Старуха Изергиль»).

Оно указывает на определенную стадию в ходе развития события.

2.10. СЦС с семантикой информативной избыточности

Модель: «Имя существительное + имя существительное или имя прилагательное». Таких СЦС в нашей работе получилось 54.

1) «Она, видимо, удивилась непривычной для неё встрече,- и вдруг мы увидели, что она побледнела, забеспокоилась, как-то завозилась на месте и *сдавленным голосом* спросила:- Что это вы...какие?». («Двадцать шесть и одна»).

2) «Сергей, во всю мочь отвечая хозяину, в то же время ругал его вполголоса *крепкой и солёной русской руганью*». («На плотях»).

Чаще всего в этой группе описываются:

А) части тела:

1) «Она всё молчала, всё смотрела на нас *дикими глазами* и всю её била дрожь». («Двадцать шесть и одна»).

2) «Скоро *спешной походкой* с озабоченным лицом по двору прошла Таня, перепрыгивая через лужи талого снега и грязи». («Двадцать шесть и одна»).

3) «Вся облитая солнцем, она смотрела вперёд *задумчивыми глазами*, и на её губах играла та загадочная и чарующая улыбка, которая и некрасивую женщину делает обаятельной и желанной». («На плотях»).

Б) части одежды:

1) «У одного из передних вёсел стоял Силан Петров, в красной рубашке *с расстёгнутым воротом*, обнажавшим его могучую шею и волосатую, прочную, как наковальня, грудь». («На плотях»).

В) действия человека:

1) «И шла она, как во сне, пошатываясь, *неверными шагами...*». («Двадцать шесть и одна»).

2) «Скоро *спешной походкой* с озабоченным лицом по двору прошла Таня, перепрыгивая через лужи талого снега и грязи». («Двадцать шесть и одна»).

3) «Иногда мы пели, и песня наша начиналась так: среди работы вдруг кто-нибудь вздыхал *тяжёлым вздохом* усталой лошади и запевал тихонько одну из тех протяжных песен, жалобно-ласковый мотив которых всегда облегчает тяжесть на душе поющего». («Двадцать шесть и одна»).

Г) форму чего-либо:

1) «Изредка попадались выброшенные волной студенистые медузы, рыбки, куски дерева *странной формы*, намокшие и чёрные». («Емельян Пиляй»).

Чаще всего встречаются словосочетания, где главное слово стоит в Т.п.:

1) «Вся облитая солнцем, она смотрела вперёд *задумчивыми глазами*, и на её губах играла та загадочная и чарующая улыбка, которая и некрасивую женщину делает обаятельной и желанной». («На плотях»).

2) «Сергей, во всю мочь отвечая хозяину, в то же время ругал его вполголоса *крепкой и солёной русской руганью*». («На плотях»).

Реже встречаются словосочетания, где главное слово стоит в Р.п.:

1) «Изредка попадались выброшенные волной студенистые медузы, рыбки, куски дерева *странной формы*, намокшие и чёрные». («Емельян Пиляй»).

Заключение

В результате нашей работы мы выяснили, что в современной синтаксической науке существуют три направления в понимании словосочетания.

Ф.Ф. Фортунатов выдвинул проблему словосочетания как центральную в синтаксисе и словосочетание и предложение рассматривал в одном ряду как «незаконченное» и «законченное» словосочетаниями.

Второе направление в понимании словосочетания связано с исследованиями В.В. Виноградова, который сужает понятие словосочетания. В работах В.В. Виноградова сочетание подлежащего и сказуемого не является парой, образующей словосочетание. Из числа словосочетаний исключаются: 1) предикативные сочетания, которые формируют предложения; 2) сочинительные сочетания, которые выражают ряд понятий, с грамматически равноправными компонентами, связанными сочинительной связью; 3) полупредикативные сочетания с обособленными членами, которые выражают добавочное сообщение. К словосочетаниям также не относятся предложно-падежные и аналитические формы слов.

Н.Ю. Шведова ещё более сужает понятие «словосочетание», введя такой признак, как «системная семантическая предсказуемость связи». Иначе говоря, сочетания слов, которые хотя и построены правильно, но семантически случайны, выводятся за пределы понятия словосочетания.

Третье направление в понимании словосочетания связано с исследованиями В.А. Белошапковой. В.А. Белошапкова считает, что в основе этой оппозиции должен быть один критерий: непредикативность /предикативность. С этих оппозиций словосочетание определяется как непредикативное соединение на основе синтаксической связи формы слова с формой слова. В соответствии с этим определением словосочетаниями признаются любые непредикативные конструкции, основанные на синтаксической связи и представляющие реализацию всех её видов- как

подчинительной, так и сочинительной. Таким образом, по сравнению с позицией В.В. Виноградова, Н.Ю. Шведовой и других понятие словосочетания расширяется: в него включаются как подчинительные, так и сочинительные сочетания слов.

Также в нашей работе мы описали типы словосочетаний по характеру синтаксических отношений, виды подчинительной связи в словосочетаниях, структурные типы словосочетаний, свободные и несвободные словосочетания.

В практической части нашей работы мы анализировали синтаксически цельные словосочетания в ранних рассказах М. Горького, описывали их модели и семантику и пришли к таким выводам:

- 1) В ранних рассказах М. Горького нами было обнаружено 1342 синтаксически цельных словосочетания в 2195 употреблениях.
- 2) Самой продуктивной группой оказалась группа с количественным значением. Таких СЦС было обнаружено 322, что составляет почти 25% от общей суммы СЦС. Также в этой группе мы выявили 3 подгруппы: СЦС с семантикой точного количества, СЦС с семантикой приблизительного количества, СЦС с семантикой неопределённого количества.
- 3) Самой непродуктивной группой оказалась группа с семантикой промежутка времени. Во всех ранних рассказах было обнаружено только 1 словосочетание.
- 4) Большинство групп с СЦС, найденных в рассказах М. Горького, характерно языковым законам.
- 5) Найдены несколько групп СЦС, характерных для идиостиля М. Горького, таких как:
  1. СЦС с метафорической семантикой
  2. СЦС с семантикой неопределённости
  3. СЦС с семантикой характеристики человека

Данные группы М. Горький использует, так как это характерно для литературного направления, господствующему в то время-романтизму. Также СЦС этих трёх групп делают тексты художественными, экспрессивными и красивыми.

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Синтаксис: лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С.449-451
2. Ашимова А. Ф. Идиостиль как проявление языковой личности автора на примере романа «Доктор Живаго» / А.Ф. Ашимова. - Вестник Минского университета, №3, 2013. – 6 с.
3. Бабайцева В.В. Современный русский язык: Учебник для студентов пед. институтов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»: в 3 ч. – ч. 3: Синтаксис. Пунктуация / В.В. Бабайцев, Л.Ю. Максимов. – 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1987. – 256 с.
4. Бабайцева В. В. Члены предложения и части речи / В. В. Бабайцева // Система членов предложения в современном русском языке / В.В. Бабайцева. - М.: Просвещение, 1988. - С. 44-54.
5. Бабайцева В. В. Синкретичные члены предложения / В. В. Бабайцева // Система членов предложения в современном русском языке / В. В. Бабайцева. - М.: Просвещение, 1988. - С. 86-100.
6. Бабайцева В.В. Глава V. Классификация членов предложения / В.В. Бабайцева // Система членов предложения в современном русском языке. - М.: Просвещение, 1989. - С. 100-128.
7. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис: учебное пособие для филол. специальностей ун-тов / В.А. Белошапкова. – М., «Высш. школа», 1977. – 248 с.
8. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. – М.: Изд-во 2-е, 1978 г. – 439 с.
9. Валгина Н.С. Современный русский язык / Н.С. Валгина, Д.Э. Розенталь, М.И. Фомина. — М., 2001

10. Валгина, Н. С. Активные процессы в синтаксисе / Н. С. Валгина // Активные процессы в современном русском языке / Н. С. Валгина. - М.: Логос, 2003. - С. 182-238.
11. Виноградов В. В. Лексикология и лексикография. Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 288 с.
12. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Вопросы грамматического строя / В.В. Виноградов. - М.: Изд-во АН СССР, 1955. - 482 с.
13. Виноградов В.В. Проблема исторического взаимодействия литературного языка и языка художественной литературы // Вопросы языкознания. - 1955. - № 4. - С.3 - 55.
14. Виноградов, В.В. Синтаксическая система Ф. И. Буслаева / В. В. Виноградов // Из истории русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. - М.: Высшая школа, 1978. - С. 69-90.
15. Виноградов В.В. Синтаксические воззрения и обобщения А. Х. Востокова, их значение в истории русского языкознания / В.В. Виноградов // Из истории русских лингвистических учений / В. В. Виноградов. - М.: Высшая школа. 1978. - С. 48-68.
16. Захидова Л. С. Специфика идиостиля Ю. Полякова (лексико-семантический аспект): автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Л. С. Захидова. – Новосибирск, 2009. – 187 с.
17. Золотова Г.А. Введение // Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. - М.: Наука, 1988. - С. 3-16.
18. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. - М., 1982. – 167 с.
19. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Просвещение, 1987. – 264 с.

20. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
21. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – М.: Наука, 1988. – 309 с.
22. Ковтунова И.И. Современный русский язык: Порядок слов и актуальное членение предложения / И.И. Ковтунова. - М., 1976. – 257 с.
23. Кожина М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева. В. А. Салимовский. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 464 с.
24. Костомаров П. И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики. / П. И. Костомаров. – Вестник Кемеровского государственного университета. Т 1. №2 (58), 2014. – С. 198-203.
25. Костомаров, В.Г. Словарь грамматических трудностей русского языка / В.Г., Костомаров, Т.Ф. Ефремова. — М., 1986.
26. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка: учебник для бакалавров / Купина Н. А., Матвеева Т. В. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 415 с.
27. Купина Н. А. Креативная стилистика и практическая филология. Стилистика сегодня и завтра: материалы конференции. Часть I. / Н.А. Купина – М.: Факультет журналистики МГУ, 2014. – С. 140-144.
28. Купина Н.А. Креативная Стилистика и креативные речевые технологии. Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова / Н.А. Купина, 2016. – С. 131-142.
29. Курилович Е. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Курилович Е. Очерки по лингвистике. - М., 1962

30. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учеб. пособие для филол. спец. пед. ин-тов. / П.А. Лекант. – 2-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1986. – 176 с.
31. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения; Язык и стиль // Пражский лингвистический кружок. - М., 1967. – 97 с.
32. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. — М. Русский язык. 1987. — 749 с.
33. Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка лингвистики и стилистики / А.М. Пешковский. - М., 1930. - 176 с.
34. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении /А.М. Пешковский; [Предисл. Ю.Д. Апресян]. – М., 2001. - 510 с.
35. Прокопович, Н. Н. Словосочетание и слово. Словосочетание в русском языке / Н. Н. Прокопович. - М.: Просвещение, 1966.- С. 51-54, 62-74.
36. Розенталь, Д.Э. Современный русский язык. Учебное пособие для студентов-филологов заочного обучения / Д.Э. Розенталь, И.Б. Голуб, М.А. Теленкова. — М.: Высшая школа, 1991. — 559 с.
37. Розенталь, Д.Э. Словарь трудностей русского языка / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. — М., 1987.
38. Саввина Ю. В. Средства выражения оценочных значений в идиостиле М. Е. Салтыкова-Щедрина: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Ю. В. Саввина. – М., 2008. – 246 с.
39. Сиротинина, О. Б. Синтаксис высказывания. Лекции по синтаксису русского языка / О. Б. Сиротинина. - М.: Высшая школа, 1980. - С. 110-123.

40. Скобликова Е. С. Согласование и управление в русском языке / Е.С. Скобликова. - М.: 1971. – 54 с.
41. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: Учебник для студентов высших учебных заведений: в 2 ч. – ч. 2: Морфология, Синтаксис / В.В. Бабайцева, Г.Г. Инфантова, Н.А. Николина, В.С. Печникова, Л.Д. Чеснокова, И.П. Чиркина.; Под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Изд.центр «Академия», 2001. – 704 с.
42. Современный русский литературный язык: Учебник / П.А. Лекант, Н.Г. Гольцова, В.П. Жуков и др. Под ред. П.А. Леканта. – 6-е изд., стер. – М.: Высш. Шк., 2004. – 462 с.
43. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. — 2-е изд., испр. и доп. — М. Флинта: Наука, 2006. — 696 с.
44. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я.Г. Тестеляц. М., 2001. – 127 с.
45. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Словарь-справочник / под ред. К.С. Горбачевича. — Л., 1973. – 26 с.
46. Фортунатов, Ф. Ф. Словосочетания и их части. Избранные труды / Ф. Ф. Фортунатов. - М., 1956. - С. 182-191
47. Чернышева Т. А. Идиостиль в газетно-публицистическом дискурсе: на материале газеты «Известия»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Т. А. Чернышева. – Череповец, 2007. – 205 с.
48. Чернышева Т. А. Идиостиль: лингвистические контуры изучения / Вестник Череповецкого государственного университета, №1 / Т.А. Чернышева, 2010. – с. 30-34.

49. Шанский, Н.М. Современный русский литературный язык: учебное пособие для студентов педагогических институтов / Н.М. Шанский [и др.]; под ред. Н.М. Шанского. — Л.: Просвещение, 1981. — 584 с.

50. Шахматов А. А. Синтаксис, его задачи и разделы. Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. - М.; Л., 1941. - 438 с.

Приложение

Методическая разработка к изучению СЦС в общеобразовательной школе.

Цельные словосочетания изучаются в школе недавно. Введение этой темы в программу и учебный комплекс под ред. В.В. Бабайцевой мотивировано идеей усиления практической направленности преподавания русского языка в школе: учить школьников хорошей речи на родном языке. А, как известно, цельные словосочетания часто употребляются в речи.

Изучению этой непростой темы отведен всего один урок, и учитель испытывает трудности, определяя цель и отбирая материал для обучения. В связи с тем, что одного урока для изучения СЦС недостаточно, мы предлагаем обращаться к этой теме на уроках развития речи и на уроках литературы, особенно при изучении раннего творчества М.Горького.

Практическая часть комплекса представлена главным образом упражнениями опознавательного характера. Их недостаточно, чтобы выполнить задачу данного урока. Необходимы упражнения, обеспечивающие совершенствование речевых и коммуникативных умений, способствующие формированию сознательного отбора этих языковых единиц в речи.

Мы предлагаем 2 упражнения для освоения данной темы:

1. Прочитать предложения. Найти СЦС и выделить, каким членом предложения они являются.

1) «И так я бегала три месяца, пока была любовь; все ночи этого времени бывала у него». («Старуха Изергиль»). 2) «И вот уже около трех десятков лет живу здесь». («Старуха Изергиль»). 3) «Прошло с месяц времени, солдат пёк булки, гулял с золотошвейками, часто заходил к нам в мастерскую, но о победах над девицами не рассказывал, а всё только усы крутил да смачно облизывался». («Двадцать шесть и одна»). 4) «Старуха вздохнула, замолчала, и её голова, опустившись на грудь, несколько раз

странно качнулась». («Старуха Изергиль»). 5) «Когда он поравнялся с одной из групп босяков-грузчиков, расположившихся в тени под грудой корзин с углём, ему навстречу встал коренастый малый с глупым, в багровых пятнах, лицом и поцарапанной шеей, должно быть недавно избитый». («Челкаш»). 6) «Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр,- она падала от клочка облака, которое плыло ближе к земле, чем другие, и скорее, чем они». («Старуха Изергиль»). 7) «И мы до того присмотрелись друг к другу, что каждый из нас знал морщины на лицах товарищей». («Двадцать шесть и одна»). 8) «А она была дочь одного из старшин, осудивших его». («Старуха Изергиль»). 9) «Мы с Рагимом варим уху из только что наловленной рыбы и оба находимся в том настроении, когда всё кажется призрачным, одухотворённым, позволяющим проникать в себя, когда на сердце так чисто, легко и нет иных желаний, кроме желания думать». («Песня о Соколе»). 10) «Они шли, пели и смеялись; мужчины- бронзовые, с пышными, чёрными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах; женщины и девушки- весёлые и гибкие, с тёмно-синими глазами, тоже бронзовые». («Старуха Изергиль»). 11) «И вдруг лес расступился перед ним, расступился и остался сзади, плотный и немой, а Данко и все те люди сразу окунулись в море солнечного света и чистого воздуха, промытого дождём». («Старуха Изергиль»). 12) «Стоят и те трое, хмурые все». («Старуха Изергиль»). 13) «Её скрипучий голос звучал так, как будто это роптали все забытые века, воплотившись в её груди тенями воспоминаний». («Старуха Изергиль»). 14) «Далеко за морем, на восход солнца, есть страна большой реки, в той стране каждый древесный лист и стебель травы даёт столько тени, сколько нужно человеку, чтоб укрыться в ней от солнца, жестоко жаркого там». («Старуха Изергиль»). 15) «Мы целые дни спорили друг с другом, как-то поумнели все, стали больше и лучше говорить». («Двадцать шесть и одна»). 16) «Долго говорили они, и вот один мудрец сказал, подумав

долго:- Спросим его, почему он сделал это?». («Старуха Изергиль»). 17) «И в этот день мы скоро услышали её голос». («Двадцать шесть и одна»). 18) «На лице Челкаша сияла добродушно-хитрая улыбка, и весь он имел вид человека, задумавшего нечто весьма приятное для себя *и неожиданное* для Гаврилы». («Челкаш»). 19) «Ветер тѣк широкий, ровной волной, но иногда он точно прыгал через что-то невидимое и, рождая сильный порыв, развевал волосы женщин в фантастические гривы, вздымавшиеся вокруг их голов». («Старуха Изергиль»). 20) «Я знал её голос густого, грудного тембра, всегда как-то странно, недовольно и требовательно звучащий- пела ли она песню, говорила ли «здравствуй»». («Макар Чудра»). 21) «У него не было ни племени, ни матери, ни скота, ни жены, и он не хотел ничего этого». («Старуха Изергиль»). 22) «Всё это- звуки и запахи, тучи и люди- было странно красиво и грустно, казалось началом чудной сказки». («Старуха Изергиль»). 23) «Она, видимо, удивилась непривычной для неё встрече,- и вдруг мы увидели, что она побледнела, забеспокоилась, как-то завозилась на месте и сдавленным голосом спросила:- Что это вы...какие?». («Двадцать шесть и одна»). 24) «Скоро спешной походкой с озабоченным лицом по двору прошла Таня, перепрыгивая через лужи талого снега и грязи». («Двадцать шесть и одна»). 25) «Изредка попадались выброшенные волной студенистые медузы, рыбки, куски дерева странной формы, намокшие и чёрные». («Емельян Пиляй»).

2. Прочитайте отрывки из произведений. Найдите СЦС с метафорическим значением. Объясните, с какой целью автор использует каждое из них.

1) «Гром грохочет. В пене гнева стонут волны, с ветром споря. Вот охватывает ветер стаи волн объятыем крепким и бросает их с размаху в дикой злобе на утесы, разбивая в пыль и брызги изумрудные громады». («Песня о Буревестнике»).

2) «Синим пламенем пылают стаи туч над бездной моря. Море ловит стрелы молний и в своей пучине гасит. Точно огненные змеи, выются в море, исчезая, отраженья этих молний». («Песня о Буревестнике»).

3) «Горы важно задумчивы. С них на пышные зеленоватые гребни волн упали черные тени и одевают их, как бы желая остановить единственное движение, заглушить немолчный плеск воды и вздохи пены — все звуки, которые нарушают тайную тишину, разлитую вокруг вместе с голубым серебром сияния луны, еще скрытой за горными вершинами». («Песня о Соколе»).

4) «Но однажды гроза грянула над лесом, зашептали деревья глухо, грозно. И стало тогда в лесу так темно, точно в нем собрались сразу все ночи, сколько их было на свете с той поры, как он родился. Шли маленькие люди между больших деревьев и в грозном шуме молний, шли они, и, качаясь, великаны-деревья скрипели и гудели сердитые песни, а молнии, летая над вершинами леса, освещали его на минутку синим, холодным огнем и исчезали так же быстро, как являлись, пугая людей. И деревья, освещенные холодным огнем молний, казались живыми, простирающимися вокруг людей, уходивших из плена тьмы, корявые, длинные руки, сплетая их в густую сеть, пытаясь остановить людей. А из тьмы ветвей смотрело на идущих что-то страшное, темное и холодное. Это был трудный путь, и люди, утомленные им, пали духом. Но им стыдно было сознаться в бессилии, и вот они в злобе и гнев обрушились на Данко, человека, который шел впереди их. И стали они упрекать его в неумении управлять ими, — вот как!».

5) «А лес все гудел и гудел, вторя их крикам, и молнии разрывали тьму в клочья. Данко смотрел на тех, ради которых он понес труд, и видел, что они — как звери. Много людей стояло вокруг него, но не было на лицах их благородства, и нельзя было

ему ждать пощады от них. Тогда и в его сердце вскипело негодование, но от жалости к людям оно погасло. Он любил людей и думал, что, может быть, без него они погибнут. И вот его сердце вспыхнуло огнем желания спасти их, вывести на легкий путь, и тогда в его очах засверкали лучи того могучего огня... А они, увидав это, подумали, что он рассвирепел, отчего так ярко и разгорелись очи, и они насторожились, как волки, ожидая, что он будет бороться с ними, и стали плотнее окружать его, чтобы легче им было схватить и убить Данко. А он уже понял их думу, оттого еще ярче загорелось в нем сердце, ибо эта их дума родила в нем тоску».

б) «И вдруг он разорвал руками себе грудь и вырвал из нее свое сердце и высоко поднял его над головой. Оно пылало так ярко, как солнце, и ярче солнца, и весь лес замолчал, освещенный этим факелом великой любви к людям, а тьма разлетелась от света его и там, глубоко в лесу, дрожащая, пала в гнилой зев болота. Люди же, изумленные, стали как камни».